

Мо Ли сохранял невозмутимость, совершенно не поддаваясь на уговоры.

Мэн Ци почесал нос, размышляя про себя: «Доктор, пожалуй, самый стойкий человек, которого я когда-либо встречал».

Его прежние друзья, хотя и обладали твёрдыми убеждениями, либо были мудры и трезвыми, анализировали ситуацию и не поддавались соблазнам, либо колебались, но в конце концов возвращались на избранный путь.

С Мо Ли всё иначе: он обладал невероятным терпением.

В бою это было бы прекрасным качеством.

Храбрые гибнут от мечей, а мудрые терпят поражение от коварных планов.

— Всегда спокойный и хладнокровный человек, возможно, не станет знаменитым, но и поражений он редко терпит.

«Хм, это же про меня?» — Мэн Ци запоздало осознал это, и в его глазах появилась улыбка.

Мо Ли не видел выражения лица Мэн Ци, но почувствовал, что тот вдруг стал радостным. Без видимой причины, что же это?

— Ты говоришь, что я несправедлив к тебе, но ты... радуешься?

— О, просто вспомнил прошлое, как я водил войска и не знал поражений. Разве в исторических записях и документах династии Чу об этом не писали? Даже наследный принц не знал!

— ...

В голове Мо Ли возник образ толстой мыши, возмущённой до того, что её щёки раздулись.

Он снова нажал на переносицу, чтобы развеять этот странный образ, и серьёзно поправил:

— Мы просто хотим остановить заговор старого предка Цинъю и заодно избить Лу Чжана, это не война.

Мэн Ци, глядя на Мо Ли снизу, подумал, что некоторые вещи сложнее войны, например, как очаровать предмет своей привязанности и заставить его колебаться.

— Если я превращусь в песчанку и буду с доктором, то когда появится старый предок Цинъю, мне придётся искать укромный уголок, чтобы надеть одежду? Ведь нельзя же начинать драку голым, что подумает старый предок Цинъю?

Мо Ли: ...

Логика в этом есть, но если вдуматься, это звучит как-то неправильно.

Что значит «быть с доктором», если при появлении людей придётся срочно одеваться?

Мэн Ци продолжил:

— И ребёнком я тоже не могу стать, это раскроет нас.

— Почему?

Мо Ли удивился, ведь предыдущий аргумент был в том, что лицо государственного советника важно, чтобы пугать людей.

— Я толстый, — уверенно заявил Мэн Ци. — В детстве ты тоже был толще, чем сейчас. Здесь достаточно высоты, но не хватает ширины. Угол, где может спрятаться взрослый, не подойдёт для ребёнка, разве не так?

— ...

Мо Ли оценил взглядом пространство мёртвой зоны и понял, что Мэн Ци, уменьшившись, не был бы настолько толстым, чтобы не поместиться. Это была чистой воды выдумка! Он не был таким толстым!

Мягкий толстый ребёнок — это не поросёнок.

Мо Ли поднял глаза и уставился на Мэн Ци, хотел что-то сказать, но слова застряли.

«Разве драконьи жилы с возрастом становятся такими бесстыдными?»

Если бы Мэн Ци знал, о чём думал Мо Ли, он бы возразил: «Это не имеет отношения к возрасту! Враньё, ничего подобного! Я говорю только правду!»

Мо Ли порылся в своём мешке и нашёл кусочек сахара с ароматом османтуса, купленный ещё в провинции Юн.

Он подбросил сахар вверх и спокойно сказал:

— Только это есть, можешь съесть.

До встречи с Мо Ли Мэн Ци мог не есть пять дней, и голод был лишь предлогом. Он не хотел, чтобы Мо Ли продолжал погружаться в проблемы династии Ци.

Видя, что не удаётся отвлечь внимание доктора, а тот, бросив ему сахар, снова погрузился в задумчивость, Мэн Ци сунул сахар в карман, делая вид, что съел его, и невнятно пробормотал:

— Пока Лу Чжан жив, династия Ци продержится ещё несколько лет, и мир не погрузится в хаос сразу. Доктор, не стоит больше думать об этом. Даже если ты вылечишь наследного принца, вокруг него всё равно не будет достойных людей, и кризис династии Ци не разрешится. Твой учитель говорил тебе, что врач лечит болезни, но не судьбу.

— Просто жаль.

Мо Ли с сожалением сказал:

— Если бы он встретил меня раньше или если бы придворные врачи осмелились прописать лекарства, болезнь не стала бы столь запущенной. Даже если бы он не был наследным принцем, а простым человеком на обочине дороги, я бы всё равно почувствовал грусть.

Врачи всегда сожалеют, когда не могут спасти пациента вовремя.

— Кстати, когда мы были в Восточном дворце, наследный принц сказал, что люди с фамилией Лу не смогут долго удерживать трон. Я заметил, как изменилось твоё выражение лица, словно ты хотел что-то сказать? — с интересом спросил Мэн Ци.

Мо Ли удивился: его эмоции тогда почти не изменились, мысль промелькнула лишь на мгновение, а Мэн Ци это заметил?

Мо Ли почувствовал сложные эмоции — не из-за того, что упомянул Мэн Ци, а из-за осознания, что тот постоянно следит за каждым его словом и даже малейшими изменениями выражения лица.

Если бы это был враг, это было бы ужасно.

Но если это предмет привязанности...

Между тем Мэн Ци, увидев, как Мо Ли задумался, почувствовал радость: «Кажется, доктор

наконец понял, что чувства привязанности и восхищения заставляют человека сосредоточиться на другом».

«Смотри, выражение лица доктора стало ещё более серьёзным».

— Оказывается, я делал недостаточно.

Раздался голос Мо Ли, и Мэн Ци оживился.

«Правильно! Вот так!»

— Как врач, я не уделял достаточно внимания своим пациентам по сравнению с тем, как ты следишь за мной, — Мо Ли серьёзно кивнул. — Это моя ошибка.

Мэн Ци, поняв, что всё пошло не так, как он ожидал: ...

Мо Ли слегка приподнял голову, наблюдая за окаменевшим выражением лица Мэн Ци.

Государственный советник оставался государственным советником: даже его ошеломлённое выражение выглядело загадочным; по крайней мере, для тех, кто не знал Мэн Ци, это могло показаться просто рассеянным взглядом.

«Жаль, если бы это был золотой дракон, парящий над Тайцзином, его ошеломлённый вид был бы куда забавнее».

— Кхм, — Мо Ли слегка кашлянул.

— Доктор? — машинально отозвался Мэн Ци.

Он очнулся, поняв, что Мо Ли, возможно, шутил.

Но в поведении Мо Ли не было намёка на шутку, к тому же доктор был человеком серьёзным, не склонным к шуткам. Мэн Ци, смущённый, заставил себя забыть о произошедшем и осторожно вернулся к теме.

— Ты не согласен с наследным принцем, потому что что-то вспомнил?

— ...Да, мне кажется, что наследный принц похож на одного человека.

— На кого?

Мэн Ци задал этот вопрос, потому что и он, и Мо Ли не различали людей по красоте или уродству и обычно не вспоминали, кто из знакомых на кого похож.

Для них, как для драконьих жил, каждый человек был уникален, если только это не близнецы или братья.

Поэтому Мо Ли тоже не был уверен; внешность других людей была одной из немногих вещей, в которых он не мог быть точен, и ему приходилось полагаться на свою феноменальную память, чтобы сопоставить лица.

— Точнее, наследный принц похож на двух людей, и мы оба их видели.

— Один из них — шестой принц?

Мэн Ци естественно спросил, ведь они видели только двух принцев династии Ци.

Затем он нахмурился, вспомнив, как в императорской гробнице в провинции Юн Мо Ли уже говорил нечто подобное: что шестой принц кажется знакомым — не потому что они встречались, а из-за сходства с кем-то из его родственников.

— Это Янь Цэнь, — уверенно сказал Мо Ли.

Тот второй командир с горы Каменного Жернова, чьи черты лица частично напоминали шестого принца, хотя сходство было несильным.

Сходство между наследным принцем и шестым принцем было более выраженным, но оно также пересекалось с Янь Цэнем.

— Это совпадение?

— Не знаю. Когда мы были на горе Каменного Жернова, я уже чувствовал, что с Янь Цэнем что-то не так. Он говорил, что едва не погиб при рождении, потому что слуга, благодетельствованный его матерью, тайно вынес его и отдал на воспитание монаху. Он вырос в монастыре, изучал боевые искусства и отправился странствовать, а затем оказался в оплоте на горе Каменного Жернова. В монастыре можно было изучить боевые искусства, но где он научился военной тактике? — серьёзно сказал Мэн Ци. — В тот день, когда они пытались проникнуть в оплот, Янь Цэнь командовал обороной, и его приказы были далеки от манеры обычных бандитов.

Мо Ли быстро сопоставил слова Янь Цэня с известными ему фактами о династии Ци и характером Лу Чжана, и его сердце сжалось.

Если это правда, то Янь Цэнь мог быть принцем, который даже не был записан в официальных списках.

Он родился с уродством. Если принц рождается в таком виде — это либо демон, либо чудовище, и его нельзя оставлять в живых, даже нельзя позволить другим знать о нём. Ведь его отец захватил трон, и если бы у него родился такой сын, разве это не было бы знаком небесной кары?

<http://bllate.org/book/15299/1351966>